

Шарлотта Бронте

Виллет

Шарлотта
Бронте

Виллет

Люси никогда не забудет
деньки, проведенные
у крестной в милом городке
Бреттоне. Там она впервые
узнала, что такое дружба.
Сколько веселых забав разделили
они с Грэмом и Полиной!
Но пришло время взросления,
и Люси переехала в Брюссель.
Все, что осталось, — это теплые
письма, которые связывали
Люси и Грэма много лет. И вот
судьба дарует им встречу.
В сердце Грэма вспыхивает
новое чувство...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6133-4

9 786171 261334

A decorative border of a floral wreath surrounds the text. It features thin, winding lines with small, dark, pointed leaves and stylized roses with spiral centers. The background is white with scattered small dots.

Шарлотта Бронте

Виллет

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
Б88

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

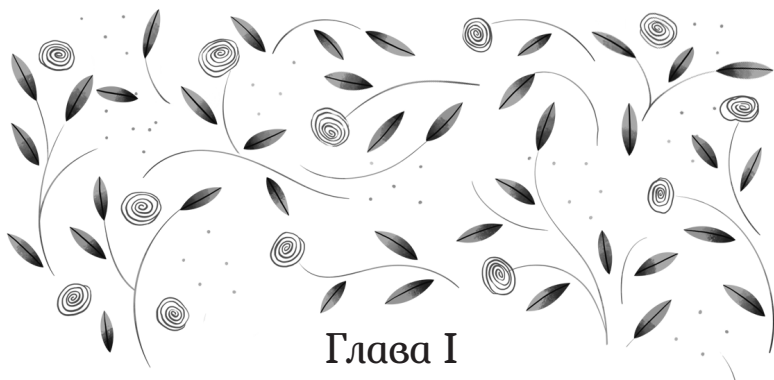
First edition published in 1853
under title *Villette* Currer Bell, i. e. Charlotte Brontë
London: printed by Stewart and Murray, Old Bailey

Перевод с английского: “*Villette*” by Charlotte Brontë

Дизайнер обложки *Алина Белякова*

ISBN 978-617-12-6133-4

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2009, 2012, 2019
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Глава I

БРЕТТОН

У моей крестной был славный дом в чистом старинном городке Бреттоне. Дом этот уже несколько поколений принадлежал семье ее мужа, носившей то же имя, что и город, где они родились, — Бреттоны из Бреттона. Я так и не знаю, простое ли это совпадение или же некий их далекий предок был личностью столь замечательной, что его именем назвали место, где он обитал.

В детстве я ездила в Бреттон раза два в год, и пребывание там всегда приносило мне радость. По душе мне был и сам дом, и его обитатели. Мне нравилось все: уютные просторные комнаты, со вкусом расставленная мебель, чисто вымытые светлые широкие окна, балкон, выходящий на прелестную старинную улицу, такую тихую и опрятную, что, казалось, на ней всегда царит воскресное, праздничное настроение.

Когда в семье, состоящей из одних взрослых, появляется ребенок, ему обычно уделяют много внимания, и миссис Бреттон относилась ко мне со сдержанной, но искренней заботливостью. Миссис Бреттон овдовела еще до того, как я познакомилась с ней. У нее был один сын, а ее муж, врач, умер, когда она была еще молода и хороша собой.

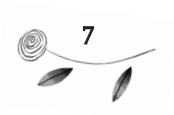

Мне она помнится женщиной в летах, но все еще красивой, высокой и стройной. Для англичанки она была несколько смугловата, и на ее щеках играл здоровый румянец, а прекрасные черные глаза светились живостью и весельем. Многие сожалели, что не от миссис Бреттон сыну достались цвет глаз и волос, — у него были голубые глаза, и даже в детстве у него был пронизывающий взгляд, а цвет длинных волос было трудно определить точно, и лишь освещенные солнцем они становились явно золотистыми. Однако от матери он унаследовал красивое лицо, прекрасные зубы, рост (вернее, виды на рост в будущем, так как он был еще ребенком) и, главное, — отменное здоровье, а также то бодрое и ровное расположение духа, которое дороже всякого богатства.

Осенью *** года я гостила в Бреттоне. Крестная взяла на себя труд рассказать мне о родственниках, у которых мне предстояло поселиться в ближайшем будущем. Думаю, что она уже тогда предвидела ожидавшие меня события, о характере которых я едва ли догадывалась, но даже смутные подозрения на возможность перемен вызывали во мне тревогу и страх — перед новой обстановкой и чужими людьми.

У крестной я вела жизнь спокойную и безмятежную, подобную мирному течению полноводной реки на равнине. Мои приезды к ней напоминали пребывание Христиана и Верного*¹ у прелестной реки, «на обоих берегах которой круглый год зеленеют деревья и простираются луга, покрытые лилиями». Жизнь моя не отличалась пленительным разнообразием и волнующими приклю-

¹ Знаком * отмечены места, поясняемые в примечаниях в конце книги.

чениями, но мне нравился этот покой, и, избегая всяческих перемен, я даже любое письмо воспринимала как нарушение привычного хода вещей и предпочитала, чтобы оно вовсе не приходило.

Однажды миссис Бреттон получила письмо, содержание которого явно удивило и даже несколько обеспокоило ее. Сначала я решила, что это весточка из дому, и испугалась, нет ли в письме какого-нибудь тревожного сообщения. Однако мне ничего не сказали о содержимом, и туча, казалось, рассеялась.

На следующий день, вернувшись после долгой прогулки, я обнаружила в своей спальне неожиданные перемены: помимо моей кушетки, стоявшей в занавешенной нише, в углу появилась детская кроватка, застеленная белым покрывалом, а рядом с комодом красного дерева я увидела крохотный палисандровый сундучок. Не двигаясь с места, я оглядывала комнату и мысленно рассуждала: «О чем свидетельствуют эти перемены?» Ответ мог быть только один: «Приезжает еще одна гостья, миссис Бреттон кого-то ждет».

Спустившись к обеду, я все узнала: со мной поселится девочка, дочь друга и дальнего родственника покойного доктора Бреттона. Девочка эта, сообщили мне, недавно потеряла мать, хотя, добавила миссис Бреттон, потеря эта для нее не так тяжела, как можно было бы ожидать. Миссис Хоум (мать девочки) была весьма миловидной, но легкомысленной и беспечной женщиной; она не заботилась о своей дочери, чем чрезвычайно огорчала мужа. Супруги оказались столь чуждыми друг другу, что последовал разрыв, который произошел по взаимному согласию, то есть без юридической процедуры. Какое-то время спустя миссис Хоум, переутомившись

на балу, простудилась, у нее случилась горячка, и, недолго поболев, она умерла. Ее мужа, человека по природе очень чувствительного, да к тому же еще потрясенного внезапным сообщением о случившемся, видимо, невозможно было разубедить в том, что излишней суровостью, нетерпимостью он ускорил ее конец. Он так упорно возвращался к этой мысли, что совсем пал духом, и врачи посоветовали отправить его для излечения в путешествие, а миссис Бреттон предложила взять на это время его дочку к себе. «Надеюсь, — добавила крестная в заключение своего рассказа, — дитя не унаследует характера своей матери, неумной и суетной кокетки, из тех, на которых, проявив слабость духа, иногда женятся даже рассудительные мужчины. А ведь, — продолжала она, — мистер Хоум человек весьма рассудительный, хотя не очень практичный: он увлечен наукой и проводит полжизни в лаборатории, где ставит опыты, чего его неразумная жена не могла ни понять, ни терпеть. По правде говоря, — призналась крестная, — мне бы это тоже не очень понравилось».

В ответ на мои расспросы о мистере Хоуме она сказала, сославшись на покойного мужа, что мистер Хоум страстием к науке пошел в своего дядю по материнской линии — французского ученого. По всей видимости, в жилах у него течет и французская, и шотландская кровь, во Франции до сих пор живут его родственники, из которых иные пишут «де» перед своей фамилией и считают себя дворянами.

В девять часов вечера послали слугу встретить дилижанс с нашей маленькой гостьей. В гостиной остались лишь миссис Бреттон и я, так как Джон Грэм Бреттон гостил в деревне у своего однокашника. Крестная читала вечернюю газету, а я шила. Вечер был дождливый,

ливень громко барабанил по мостовой, ветер выл сердито и тревожно.

«Бедное дитя! — повторяла время от времени миссис Бреттон. — Быть в пути по такой-то погоде! Скорее бы уж она приехала».

Около десяти часов дверной колокольчик оповестил, что Уоррен вернулся. Не успели открыть дверь, как я уже сбежала вниз, в переднюю. На полу стоял чемодан и несколько картонок, около них — девушка, видимо няня, а на нижней ступеньке — Уоррен с завернутым в шаль свертком в руках.

— Это и есть тот самый ребенок? — спросила я.

— Да, мисс.

Я развернула было шаль и попыталась взглянуть на личико девочки, но она быстро отвернулась и уткнулась Уоррену в плечо.

— Пожалуйста, поставьте меня на пол, — послышался тонкий голосок, когда Уоррен отворил дверь в гостиную, — и снимите эту шаль, — продолжала девочка, вытаскивая крошечной ручкой булавку и с какой-то нервической поспешностью сбрасывая с себя неуклюжие одежды.

Появившееся из-под них существо попыталось было сложить шаль, но она оказалась слишком тяжелой и большой для этих слабых ручек.

— Пожалуйста, отдайте это Харriet, — распорядилась девочка, — пусть она все уберет.

Затем она повернулась и вперила взгляд в миссис Бреттон.

— Подойди, малютка, — сказала крестная. — Подойди, я хочу проверить, не промокла ли ты. Идем, согреться у камина.

Девочка не мешкая подошла к ней. Без шали и теплой одежды она оказалась удивительно миниатюрной: фигурка у нее была изящная, будто точеная, и стройная, а походка — легкая. На коленях у крестной она выглядела настоящей куклой, и сходство это особенно подчеркивали нежная, почти прозрачная кожа и шелковистые кудри.

Согревая ей ножки и ручки, миссис Бреттон приветливо говорила с ней, и ребенок, сначала глядевший на нее серьезно и пристально, начал вскоре улыбаться. Вообще-то миссис Бреттон нельзя было назвать ласковой, даже со своим страстно любимым сыном она чаще бывала строга, чем нежна, но когда маленькая гостья улыбнулась, она поцеловала ее и спросила:

— Как тебя зовут, крошка?

— Мисси.

— А еще как?

— Папа зовет меня Полли.

— А Полли не хотела бы остаться у меня?

— Не навсегда, только пока папа вернется домой. Он уехал. — И она грустно покачала головой.

— Он непременно вернется к Полли или пришлет за ней.

— Правда, сударыня? Вы уверены, он вернется?

— Конечно.

— А Харriet говорит, что если он и вернется, то очень нескоро. Ведь он болен.

У нее на глазах блеснули слезы. Она освободила ручку, которую держала миссис Бреттон, и сделала попытку соскользнуть с ее колен; почувствовав, что ее удерживают, она сказала:

— Пожалуйста, пустите меня, я посижу на скамейке.

Миссис Бреттон позволила ей спуститься на пол, и она, взяв скамеечку для ног, отнесла ее в темный угол и села там.

Хотя миссис Бреттон отличалась властным характером, а в делах серьезных нередко вообще не допускала возражений, в мелочах она обычно проявляла терпимость. Вот и в этом случае она разрешила девочке поступиться, как ей хотелось. Она сказала мне: «Не обращай сейчас на нее внимания». Но я не могла сдержать любопытство и наблюдала, как Полли оперлась локотком о колено и положила головку на руку, а потом вытащила крохотный носовой платок из кармашка своей кукольной юбочки, приложила его к глазам и заплакала. Обычно дети, испытывая горе или боль, плачут громко, никого не стесняясь, но этот ребенок плакал так тихо, что всхлипывания были едва слышны. Миссис Бреттон вообще ничего не заметила, что было весьма кстати. Немного погодя из угла послышалось:

— Можно позвонить, чтобы пришла Харriet?

Я позвонила, и пришла няня.

— Харriet, мне пора спать, — сказала маленькая хозяйка. — Узнайте, где моя кровать.

Харriet сообщила, что ей это уже известно.

— Спросите, будете ли вы спать со мной в комнате.

— Нет, мисси, — ответила няня, — вы будете спать в одной комнате с этой барышней, — и она указала на меня.

Мисси не встала с места, но отыскивала меня глазами. Несколько минут она молча рассматривала меня, а потом вышла из своего угла.

— Доброй ночи, сударыня, — обратилась она к миссис Бреттон. Мимо меня она прошла без единого слова.

— Спокойной ночи, Полли, — сказала я.

— Ведь мы спим в одной комнате, зачем же прощаться на ночь? — заметила девочка и удалилась из гостиной.

Мы услышали, как Харriet предложила отнести ее наверх на руках. «Не нужно, не нужно», — прозвучало в ответ, после чего раздалась усталые детские шажки по лестнице.

Через час, ложась в постель, я обнаружила, что Полли еще не спит. Она подоткнула подушки так, чтобы удобно было сидеть, и с недетским самообладанием, как матрона, восседала на кровати, положив сжатые в кулачок руки поверх одеяла. Я воздержалась от разговора с ней, пока не настало время гасить свет, тогда я посоветовала ей лечь.

— Позже, — был ответ.

— Но ты простудишься.

Она сняла со стула, стоявшего у кровати, какую-то крохотную одежонку и накинула ее на плечи. Я не настаивала. Прислушиваясь в темноте, я убедилась, что она все еще плачет — сдержанно, почти беззвучно.

Проснувшись утром, я услышала звук льющейся воды. Подумать только! Она, оказывается, уже встала, взобралась на скамеечку перед умывальником и с огромным трудом наклонила кувшин (поднять его у нее не хватало сил), чтобы налить из него воды в таз. Забавно было наблюдать, как эта малышка тихо и деловито умывается и одевается. Она явно не привыкла сама совершать свой туалет — все эти пуговицы, шнурки и крючки были для нее серьезным испытанием, но она справилась, проявив завидное упорство. Затем она сложила ночную рубашечку и тщательно разгладила покрывало на постели. Удалившись в угол комнаты, она притихла

за краем гардины. Я приподнялась, чтобы посмотреть, чем она занята. Стоя на коленях и подперев голову руками, она молилась.

В дверь постучала няня. Девочка вскочила.

— Я уже одета, Хариет, — сказала она. — Я сама оделась, но, по-моему, не все у меня в порядке. Поправьте, где необходимо!

— Зачем вы сами одевались, барышня?

— Тсс! Тише, Хариет, не разбудите эту девочку (то есть меня — я лежала с закрытыми глазами). Я оделась сама, чтобы обходиться без вас, когда вы уедете.

— А вы хотите, чтобы я уехала?

— Я много раз, когда вы сердились, хотела, чтобы вы уехали, но сейчас не хочу. Пожалуйста, поправьте мне пояс и пригладьте волосы.

— Но пояс у вас в порядке. Какая же вы привередливая!

— Нет, пояс нужно перевязать. Ну пожалуйста!

— Хорошо, хорошо. Когда я уеду, попросите эту барышню помогать вам одеваться.

— Ни в коем случае.

— Почему? Она такая милая. Надеюсь, вы будете к ней хорошо относиться, мисси, и не станете дуться и важничать.

— Ни за что она не будет одевать меня.

— Какая же вы смешная!

— Вы неровно причесываете меня, Хариет. Пробор получается кривой.

— Вам не угодить. Ну, так хорошо?

— Да, неплохо. А теперь куда мне следует идти?

— Я отведу вас в столовую.

— Пойдемте.

Они направились к двери, но девочка вдруг остановилась.

— Ах, Хариет, если бы это был папин дом! Я ведь совсем не знаю этих людей.

— Мисси, будьте хорошей девочкой.

— Я хорошая, но вот здесь мне больно, — сказала она, положив ручку на сердце, и со стоном воскликнула: — Папа, папа!

Я приподнялась на постели, чтобы увидеть эту сцену.

— Скажите барышне «доброе утро», — велела Хариет.

Девочка сказала:

— Доброе утро, — и вслед за няней вышла из комнаты.

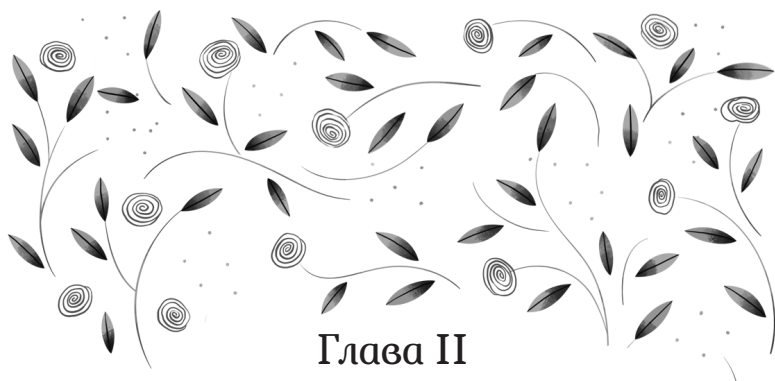
В тот же день Хариет уехала в гости к своим друзьям, которые жили неподалеку.

Спустившись к завтраку, я увидела, что Полина (девочка называла себя Полли, но ее полное имя было Полина Мэри) сидит за столом рядом с миссис Бреттон. Перед ней стоит кружка молока, в руке, неподвижно лежащей на скатерти, она держит кусочек хлеба и ничего не ест.

— Не знаю, как успокоить эту крошку, — обратилась ко мне миссис Бреттон, — она в рот ничего не берет, а по ее лицу видно, что она всю ночь не сомкнула глаз.

Я выразила надежду, что время и доброе отношение сделают свое дело.

— Если бы она привязалась к кому-нибудь у нас в доме, то быстро бы утешилась, а до тех пор ничего не изменится, — заметила миссис Бреттон.

Глава II ПОЛИНА

Прошло несколько дней, но не похоже было, чтобы девочка испытывала к кому-нибудь расположение. Не то чтобы она особенно капризничала или своевольничала, скорее она была послушна, но такая безутешность в ее возрасте встречается очень редко. Она полностью была поглощена тоской, как это бывает только у взрослых людей; даже на изборожденном морщинами лице умудренного жизнью изгнанника из Европы, тоскующего где-то на другом краю света по своему дому, невозможно обнаружить столь явных признаков ностальгии, как на этом детском личике. Казалось, девочка на глазах стареет и превращается в какое-то неземное существо. Мне, Люси Сноу, несвойственна такая напасть, как пыльное и неукротимое воображение, но каждый раз, когда я входила в комнату и видела, как она одиноко сидит в углу, положив голову на крохотную ручку, комната эта представлялась мне обиталищем призраков.

Когда же я просыпалась лунной ночью и взгляд мой падал на резко очерченную фигурку в белом, когда я наблюдала за тем, как она, стоя на коленях на своей кровати, молится с истовостью ревностного католика или методиста*, меня начинали одолевать мысли, которые,

хотя сейчас мне уже трудно передать их точно, едва ли были более разумными и здоровыми, чем те, что терзали мозг этого ребенка.

Она так тихо шептала молитвы, что мне редко удавалось уловить хоть слово, а иногда она молилась молча. В тех редких случаях, когда до меня все же долетали отдельные фразы, это были одни и те же слова: «Папа, милый папа!»

Думаю, что эта девочка была натурой, одержимой одной идеей. Признаюсь, я всегда считала склонность к мономании самой мучительной из всех присущих роду людскому.

Можно лишь предположить, к чему могли бы привести все эти тревожные переживания, но ход событий внезапно изменился.

В один прекрасный день миссис Бреттон лаской и угорами убедила девочку покинуть ее обычное место в углу, усадила на диван у окна и, чтобы занять ее внимание, велела наблюдать за прохожими и считать, сколько женщин проходит по улице за некий промежуток времени. Полли сидела с равнодушным видом, изредка поглядывая в окно, и прохожих не считала, как вдруг я, внимательно наблюдавшая за ней, увидела, что лицо ее совершенно преобразилось. Эти так называемые чувствительные натуры, способные на непредсказуемые и рискованные поступки, нередко кажутся странными тем, кого более спокойный темперамент удерживает от участия в несурзных выходках. Ее неподвижный мрачный взор мгновенно оживился, глаза заблестели, наморщенный лобик разгладился, безучастное и печальное лицо осветилось и повеселело, грусть сменилась нетерпением и страстной надеждой.

— Наконец-то! — воскликнула она.

В мгновение ока, подобно птице или стреле, вылетела она из комнаты. Не знаю, как ей удалось открыть парадную дверь, возможно, она была открыта или возле нее оказался Уоррен и исполнил, по всей вероятности, отданное запальчиво приказание Полли. Спокойно глядя в окно, я увидела, как она в своем черном платье и отделанном тесьмой фартучке (она испытывала отвращение к детским передникам) мчится по улице. Я было отвернулась от окна, чтобы сообщить миссис Бреттон, что Полли в безумном состоянии выскочила на улицу и что ее необходимо тотчас же догнать, но в этот момент заметила, что кто-то подхватил на руки и понес девочку, скрыв ее от моего беспокойного взора и от удивленных взглядов прохожих. Этот добрый поступок совершил какой-то джентльмен, и теперь, укрыв ее своим плащом, он шел к дому, откуда, как он, очевидно, приметил, она выбежала.

Я решила, что он оставит ее на попечение слуги, а сам удалится, но он, немного задержавшись внизу, поднялся по лестнице.

Прием, оказанный ему миссис Бреттон, свидетельствовал о том, что они знакомы: она узнала его и пошла ему навстречу, причем было заметно, что она смущена тем, что была застигнута врасплох. В глазах у нее даже мелькнул укор, и, отвечая скорее на этот взгляд, чем на произнесенные ею слова, он сказал:

— Я не мог уехать из страны, не увидев, как она устроилась здесь.

— Но вы растрожите ее.

— Надеюсь, что нет. Ну, как живет папина Полли?

С этим вопросом он обратился к Полли, сев на стул и осторожно поставив ее на пол перед собой.

— А как живет ее папа? — ответила она вопросом на вопрос, прислонившись к его колену и глядя ему в глаза.

Сцена эта не была ни шумной, ни многословной, и я была рада этому; но чувства слишком сдерживались — они не бурлили и не выплескивались через край, и это особенно угнетало. Обычно ощущение нелепости происходящего или презрительное отношение к нему приносят облегчение уставшему от слишком пылких и необузданных излияний свидетелю. Мне же всегда тяжело наблюдать, как душевный порыв сдается без борьбы — раб-исполин под игом рассудка.

У мистера Хоума было строгое, вернее, суровое лицо с резкими чертами: бугристый лоб, резко очерченные высокие скулы. Но сейчас это типично шотландское лицо выражало взволнованность, а взгляд был тревожен и печален. Северный акцент, отличавший его речь, удивительно гармонировал с его внешностью. У него был одновременно гордый и непритязательный вид.

Он положил руку на поднятую головку девочки, и она сказала:

— Поцелуйте Полли.

Он поцеловал ее. Как мне хотелось, чтобы она истерически вскрикнула, — я бы тогда испытала облегчение и немного успокоилась. Но она, на удивление, молчала: казалось, она получила все, решительно все, что ей было нужно, и достигла теперь полного блаженства. Ни выражением, ни чертами лица она не походила на отца, но была той же породы: он вдохнул в нее свою душу и свой разум.

Несомненно, мистер Хоум умел, как и положено мужчине, владеть собой, но при определенных обстоятельствах внутренне преисполнялся волнением.

— Полли, — сказал он, глядя сверху вниз на своего ребенка, — пойдй в переднюю, там на стуле лежит мое пальто. Достань из кармана носовой платок и принеси мне.

Девочка не мешкая выполнила приказание. Когда она вернулась в комнату, ее отец разговаривал с миссис Бреттон, и Полли с платком в руке остановилась в ожидании. Ее стройная, изящная фигурка являла собой трогательное зрелище. Увидев, что он не заметил ее возвращения и продолжает разговаривать, она взяла его за руку, разогнула пальцы, чему он не сопротивлялся, вложила ему в руку платок и по одному вновь сомкнула пальцы. Хотя казалось, что отец все еще не замечает ее присутствия, он почти сразу посадил ее к себе на колени. Она прижалась к нему, и, несмотря на то что они в течение целого часа не перемолвились и словом и не посмотрели друг на друга, я думаю, им было хорошо вместе.

За чаем и жесты, и поступки этой малютки, как всегда, привлекали всеобщее внимание.

Сначала она отдала распоряжение Уоррену, когда он расставлял стулья:

— Папин стул поставьте сюда, а мой — между ним и креслом миссис Бреттон.

Она заняла свое место и поманила отца рукой.

— Папа, сядьте около меня, как дома.

Взяв его чашку с чаем, она размешала сахар, добавила сливок и вновь обратилась к нему:

— Я ведь всегда делала это дома, папа; ни у кого, даже у вас, это так хорошо не получалось.

Все время, пока мы сидели за столом, она не переставала заботиться об отце, как ни смешно это выглядело. Щипцы для сахара оказались для нее слишком

большими, и ей приходилось держать их обеими ручками; ей не хватало сил и ловкости, чтобы справиться с тяжелым серебряным сливочником, тарелками с бутербродами и даже чашкой с блюдцем, но она все это поднимала, передавала, и при этом ей удалось ничего не разбить. Откровенно говоря, мне она казалась суматошной хлопотуньей, но отец ее, слепой в своей любви к ребенку, как все родители, очевидно, с большим удовольствием предоставлял ей возможность ухаживать за ним и, судя по всему, испытывал наслаждение, принимая ее заботу.

— Она — моя единственная отрада! — не сдержавшись, сказал он миссис Бреттон.

Поскольку у этой леди тоже была своя «отрада» — сын, казавшийся ей истинным совершенством, который пока отсутствовал, — такое проявление слабости со стороны мистера Хоума было ей понятно.

Эта «отрада» матери появилась на сцене в тот же вечер. Я знала, что сын миссис Бреттон должен вернуться в тот день, и видела, что она с самого утра находится в состоянии напряженного ожидания. Когда мы после чая сидели у камина, прибыл Грэм. Он не просто прибыл, а скорее ворвался в наш мирный кружок, потому что его приезд, естественно, вызвал суматоху, к тому же мистер Грэм был смертельно голоден и его нужно было немедленно накормить. С мистером Хоумом они встретились как давние знакомые, а на Полли он сначала не обратил никакого внимания.

Подкрепившись и ответив на многочисленные вопросы матери, он перешел от стола к камину. Он сел так, что напротив него оказался мистер Хоум, а у локтя отца пристроился ребенок. Называя Полли ребенком,

я употребляю слово неуместное, непригодное для этого сдержанного миниатюрного создания в траурном платье с белой манишкой, в пору большой кукле. Девочка сидела на высоком стульчике около полки, на которой стояла игрушечная рабочая шкатулка из белого лакированного дерева, и держала в руке лоскуток, стараясь подрубить его края, чтобы сделать носовой платок; она настойчиво, но с трудом протыкала материю иголкой, казавшейся чуть ли не спицей в ее пальчиках, то и дело укалывала их и оставляла на батисте цепочку мелких следов крови; когда непослушная игла глубже вонзалась ей в пальчик, она вздрагивала, но не издавала ни звука и продолжала работать прилежно, сосредоточенно — совсем как взрослая.

В те времена Грэм был красивым шестнадцатилетним юношей с не внушающим доверия лицом. Я характеризую его лицо как не внушающее доверия не потому, что он действительно обладал вероломной натурой, а потому, что, как мне кажется, такой эпитет весьма уместен для описания чисто кельтского (а не англосакского) типа красоты: волнистые светло-каштановые волосы, подвижное симметричное лицо, неизменная улыбка, не лишенная обаяния и вкрадчивости (не в плохом смысле этого слова). В общем, в то время это был избалованный капризный юноша.

— Мама, — произнес он, молча оглядев миниатюрную фигурку и воспользовавшись тем, что мистер Хоум вышел из комнаты и таким образом дал ему возможность освободиться от прикрываемой легкой насмешливостью застенчивости, которая заменяла ему истинную скромность, — мама, здесь находится юная леди, которой я не был представлен.

— Ты, наверное, имеешь в виду дочь мистера Хоума? — спросила мать.

— Несомненно, сударыня, — ответил сын. — Однако мне кажется, что вы употребили неподходящее слово. Столь благородной особе подходит только обращение «мисс Хоум», а не «дочь».

— Послушай, Грэм, я запрещаю тебе дразнить ребенка. Не обольщайся, я не допущу, чтобы ты сделал девочку мишенью своих насмешек.

— Мисс Хоум, — продолжал Грэм, несмотря на замечание матери, — достоин ли я чести представиться вам, поскольку никто, видимо, не намерен оказать нам с вами эту услугу? Ваш покорный слуга — Джон Грэм Бреттон.

Девочка взглянула на него, а он встал и весьма почитительно ей поклонился. Она неторопливо положила на место наперсток, ножницы и лоскуток, осторожно спустилась с высокого сиденья и, с невыразимой серьезностью сделав реверанс, сказала:

— Рада видеть вас. Как поживаете?

— Имею честь сообщить вам, что нахожусь в полном здравии, лишь несколько утомился от стремительного путешествия. Надеюсь, сударыня, и вы здоровы?

— Я чувствую себя удлет-удовлет-творительно, — последовал изысканный ответ маленькой леди, после чего она попыталась было занять прежнее место, но, сообразив, что для этого придется неловко карабкаться вверх, — а такого несоблюдения приличий она допустить не могла, как и мысли о чьей-либо помощи в присутствии постороннего молодого джентльмена, — она предпочла усесться на низкую скамеечку, к которой Грэм тотчас же придвинул свой стул.

— Надеюсь, сударыня, что нынешняя ваша резиденция, дом моей матери, является достаточно удобным для вас местом пребывания?

— Не особ-не особенно. Я хочу жить дома.

— Естественное и похвальное желание, сударыня, однако я приложу все усилия, чтобы воспрепятствовать его осуществлению. Я рассчитываю, что хоть вы немного позабавите и развлечете меня, поскольку маме и мисс Сноу не удалось подарить мне столь редкого удовольствия.

— Я скоро уеду с папой, я не задержусь у вашей матери надолго.

— Нет, я уверен, вы останетесь здесь. У меня есть пони, на котором вы будете кататься, и уйма книг с картинками.

— А вы что, будете теперь здесь жить?

— Конечно. Вам это приятно? Я вам нравлюсь?

— Нет.

— Почему?

— Вы какой-то странный.

— Разве у меня странное лицо?

— И лицо, и все остальное. Да и волосы у вас длинные и рыжие.

— Простите, но они каштановые. Мама и все ее друзья говорят, что они каштановые с золотистым оттенком. Но даже с «длинными рыжими волосами», — он с каким-то ликованием потрянул копной, как он сам отлично знал, именно рыжеватых волос, и этой львиной гривой он гордился, — я вряд ли выгляжу более странным, чем вы, ваша милость.

— По-вашему, я странная?

— Безусловно.

Выдержав паузу, она сказала:

— Я, пожалуй, пойду спать.

— Такой малышке следовало бы давно уже быть в постели, но вы, вероятно, ждали меня.

— Ничего подобного.

— Ну конечно, вы хотели получить удовольствие от моего общества. Вы знали, что я должен вернуться, и не хотели пропустить возможность взглянуть на меня.

— Я сидела здесь ради папы, а не ради вас.

— Прекрасно, мисс Хоум, но я намерен стать вашим любимцем, которого, смею надеяться, вы вскоре предпочтете даже папе.

Полли пожелала нам с миссис Бреттон спокойной ночи. Казалось, она не может решить, достоин ли Грэм подобного внимания с ее стороны, как вдруг он схватил ее одной рукой и поднял высоко над головой. Она увидела себя в зеркале над камином. Внезапность, бесцеремонность, дерзость этого поступка были беспримерны.

— Как вам не стыдно, мистер Грэм! — воскликнула она с негодованием. — Отпустите меня сейчас же!

Уже стоя на полу, она добавила:

— Интересно, что вы подумали бы обо мне, если бы я так же схватила вас рукой (тут она воздела свою «мощную» длань) за шиворот, как Уоррен котенка?

И с этими словами она удалилась.

Глава III

ТОВАРИЩИ ПО ДЕТСКИМ ИГРАМ

Мистер Хоум пробыл в доме миссис Бреттон два дня. За это время его ни разу не удалось убедить выйти на улицу: весь день он сидел у камина и либо молчал, либо переговаривался с миссис Бреттон, которая, надо признать, вела беседу с ним в том духе, в каком следует говорить с человеком, находящимся в тяжелом душевном состоянии, — без излишнего участия, но и не чересчур равнодушно. Поскольку миссис Бреттон была значительно старше мистера Хоума, она могла позволить себе с ним доверительный, даже материнский тон.

Что же касается Полины, то она была счастлива, но молчалива, деловита и настроенна. Отец часто сажал ее к себе на колени, и она сидела тихонько, пока не ощущала или не воображала, что отец устал, и тогда Полли говорила: — Папа, пустите, вам тяжело, вы устанете.

И, освободив отца от «непомерного» груза, она, усевшись на ковре или стоя, прижавшись к «папиным» ногам, вновь доставала из белой шкатулочки носовой платок, усеянный красными пятнышками. Этому платку, по-видимому, было назначено стать подарком папе, и его

нужно было закончить до отъезда мистера Хоума, что требовало от белошвейки упорства и трудолюбия (за полчаса она успевала сделать примерно двадцать стежков).

Тот вечер, когда Грэм вернулся под материнский кров, был более оживленным, чем предыдущие, чему немало способствовали сцены, происходившие между ним и мисс Полиной.

После той обиды, которую он нанес ей накануне, Полли держалась с ним отчужденно и высокомерно. Когда он обращался к ней, она каждый раз говорила: «Я не могу тратить время на вас, у меня есть другие заботы». Если он умолял ее сказать, какие именно, она отвечала: «Дела».

Грэм попытался привлечь ее внимание, открыв свое бюро. Перед взором Полины предстало его пестрое содержимое: печати, яркие восковые палочки, перочинные ножи и целая стопка эстампов, среди которых были и ярко раскрашенные, — все богатство, что ему удалось накопить. Нельзя сказать, что Полли смогла побороть искушение: она украдкой поднимала глаза от своего рукоделия, то и дело посматривая на письменный стол, где было разбросано множество картинок. Со стола на пол слетела гравюрка, на которой был изображен ребенок, играющий с бленимским спаниелем.

— Какая миленькая собачка! — с восторгом произнесла она.

Грэм намеренно не обратил на это никакого внимания. Немного погодя девочка украдкой выбралась из своего уголка и подошла поближе к столу, чтобы рассмотреть сокровище. Большие глаза и длинные уши собаки, шляпа с перьями на ребенке оказались необоримым соблазном.

— Хорошая картинка! — отзыв был благоприятным.

— Пожалуйста — можешь взять себе, — сказал Грэм.

Она, видимо, колебалась. Очень сильно было желание заполучить картинку, но взять ее означало бы для Полли унижение собственного достоинства. Нет! Она положила картинку и отвернулась.

— Ты не берешь ее, Полли?

— Спасибо, но я, пожалуй, не возьму.

— Сказать, что я с ней сделаю, если ты откажешься ее взять?

Она повернулась к нему.

— Разрежу на полоски — свечи зажигать.

— Нет!

— Именно это я сделаю.

— Пожалуйста, не надо!

В ее голосе звучала мольба, но Грэм с совершенно безжалостным видом вынул из рабочей шкатулки матери ножницы.

— Итак, приступим, — сказал он и угрожающе взмахнул ножницами. — Разрежем голову Фидо и носик Гарри.

— Ой, не надо, не надо!

— Тогда подойди ко мне. Быстрее, быстрее, а то будет поздно.

Она помедлила, но сдалась.

— Ну, теперь ты возьмешь ее? — спросил он, когда она остановилась около него.

— Да, пожалуй.

— Но тебе придется мне заплатить.

— Сколько?

— Один поцелуй.

— Сначала дайте картинку.

Сказав это, Полли недоверчиво взглянула на него. Грэм отдал ей картинку, она же бросилась прочь, подобно преследуемому кредитору, и нашла убежище на коленях

отца. Грэм вскочил, изображая ярость, и последовал за ней. Она спрятала лицо на груди мистера Хоума.

— Папочка, папочка, велите ему уйти!

— Я не уйду, — заявил Грэм.

Не поворачивая головы, она вытянула руку, отстраняя его.

— Тогда я поцелую ручку, — сказал он, но ручка сжалась в маленький кулачок, которым девочка стала отталкивать Грэма.

Грэм, хитростью не уступавший этой девочке, удалился с совершенно потрясенным видом. Он бросился на кушетку и, откинув голову на подушку, принял позу страдальца. Полли, заметив, что он затих, украдкой взглянула на него: он лежал, закрыв лицо руками. Тогда она повернулась к нему, продолжая сидеть у отца на коленях, и стала напряженно и испуганно всматриваться в него. Грэм издал стон.

— Папа, что с ним? — спросила девочка шепотом.

— Спроси у него самого, Полли, — ответил мистер Хоум.

— Ему больно? — В ответ снова стон.

— Судя по стонам — да, — заметил мистер Хоум.

— Мама! — слабым голосом произнес Грэм. — Мне кажется, нужно послать за доктором. О бедный мой глаз! — снова молчание, прерываемое лишь вздохами Грэма. — Если мне суждено ослепнуть... — изрек он и замолчал.

Этого его мучительница перенести не могла. Она тотчас же оказалась около него.

— Дайте я посмотрю ваш глаз, я вовсе не собиралась попасть в него, я хотела ударить по губам, я не предполагала, что ударю так ужасно сильно.

Ответом ей было молчание. Она переменялась в лице. На нем было написано: «Простите меня, простите!»

Засим последовала вспышка отчаяния, трепет и слезы.

— Перестань терзать ребенка, Грэм, — потребовала миссис Бреттон.

— Детка, это все вздор! — воскликнул мистер Хоум.

Тут Грэм поднял ее над собой, а она опять стала бороться с ним и, вцепившись в его львиную гриву, кричала:

— Самый скверный, грубый, злой, лживый человек на свете!

В утро своего отъезда мистер Хоум уединился с дочерью в оконной нише для конфиденциального разговора, часть которого я слышала.

— Папа, а нельзя мне сложить вещи и уехать с вами?

Он отрицательно покачал головой.

— Я буду вам мешать?

— Да, Полли.

— Потому что я маленькая?

— Потому что ты маленькая и хрупкая. Путешествовать могут лишь взрослые и сильные люди. Только не грусти, деточка, у меня от этого разрывается сердце. Папа скоро вернется к своей Полли.

— Но я, по правде говоря, почти совсем не грустная.

— Ведь Полли не хотелось бы, чтобы папа страдал?

— Еще как!

— Тогда Полли не должна ни унывать, ни плакать при прощании, ни грустить после папиного отъезда. Может она это выполнить?

— Она постарается.

— Надеюсь, так и будет. Тогда прощай. Мне пора ехать.

— Как, уже? Сейчас?

— Сию минуту.

Она сжала дрожащие губы. Отец всхлипывал, а девочка, как я заметила, сумела сдержать слезы. Поставив ее на пол, он попрощался за руку со всеми присутствующими и отбыл.

Когда хлопнула парадная дверь, Полли с криком «папа!» упала на колени в кресло.

Ее тихие стенания продолжались долго. Можно было разобрать что-то наподобие евангельского «Боже мой! Боже мой! Для чего ты меня оставил?». Я заметила, что первые несколько минут она испытывала невыносимые душевные муки. За это непродолжительное время она перенесла более тяжкие страдания, чем те, что испытывают многие взрослые, ибо такова была ее натура. Если жизнь ее будет долгой, ей суждено не раз пережить подобные мгновения. Все молчали. Миссис Бреттон прослезилась под влиянием материнских чувств. Грэм, который что-то писал, поднял глаза и молча посмотрел на нее. Я, Люси Сноу, оставалась спокойной.

Девочка, которую никто не трогал, сама сделала то, на что не были способны многие взрослые, — превозмогла невыносимые муки, заглушила их в себе, насколько было в ее силах. В тот день и на следующий она ни от кого не принимала знаков сочувствия, а потом стала к ним терпимей.

Вечером третьего дня, когда она, осунувшаяся и молчаливая, сидела на полу, вошел Грэм и, не говоря ни слова, бережно взял ее на руки. На этот раз она не сопротивлялась, а, наоборот, положила головку ему на плечо и через несколько минут уснула; он отнес ее наверх, в спальню. Я не удивилась, когда на следующее утро, проснувшись, она сразу спросила: «А где мистер Грэм?»

Случилось так, что именно в это утро Грэм не явился к завтраку — ему нужно было сделать какие-то упражнения к первому уроку, и он попросил мать распорядиться принести ему чашку чая в кабинет. Полли выразила желание сделать это, она всегда стремилась чем-нибудь заняться или кому-нибудь помочь. Ей доверили чашку, так как, при своей подвижности, она отличалась аккуратностью. Поскольку дверь в кабинет находилась напротив двери столовой, через коридор, я все видела.

— Что вы делаете? — спросила она, остановившись на пороге кабинета.

— Пишу, — ответил Грэм.

— А почему вы не завтракаете с мамой?

— Я очень занят.

— Вы хотите завтракать?

— Конечно.

— Тогда вот, пожалуйста.

Она поставила чашку на пол у двери, как тюремщик, принесший узнику в камеру кувшин воды, и удалилась, но тут же вернулась.

— А что вы будете есть?

— Хочу сладенького. Будь доброй девочкой, принеси мне чего-нибудь повкуснее.

Она подошла к миссис Бреттон:

— Пожалуйста, сударыня, дайте для вашего мальчика что-нибудь вкусное.

— Выбери сама, Полли. Ну, что дать моему мальчику?

Полли взяла понемногу от всех лучших блюд на столе, а потом вернулась и шепотом попросила мармелад, которого к завтраку не подали. Однако она получила его (миссис Бреттон для детей ничего не жалела), и мы вскоре услышали, как Грэм перевозносит ее до небес, обещая

ей, что, когда у него будет свой дом, она станет его домоправительницей, а если проявит кулинарные таланты, то — кухаркой. Так как Полли долго не возвращалась, я пошла посмотреть, что там происходит, и обнаружила, что они с Грэмом завтракают tête-à-tête — она стоит у его локтя и делит с ним его порцию. Правда, она деликатно отказалась от мармелада, вероятно, чтобы я не заподозрила, что она добивалась его не только для Грэма, но и для себя. Она вообще отличалась щепетильностью и тонким восприятием.

Вспыхнувшая между ними дружба не оказалась скоропреходящей, напротив, время и дальнейшие события способствовали ее упрочению. Хотя возраст, пол, интересы и тому подобное должны были бы препятствовать их общению, они всегда находили тему для разговора. Я заметила, что Полли открывала некоторые особенности своего характера только перед Грэмом. Привыкнув к новому дому, она стала подчиняться миссис Бреттон с большей готовностью. Правда, чаще всего она целыми днями сидела на скамеечке у ног миссис Бреттон, выполняла порученную ей работу, вышивала или рисовала на грифельной доске, но при этом никак не проявляла своеобразие своей натуры. Я даже не наблюдала за ней в таких случаях, потому что она переставала быть интересной. Но как только стук парадной двери извещал о возвращении Грэма и приближении вечера, в ней совершалась резкая перемена: в одно мгновение она оказывалась на верхней площадке лестницы и приветствовала Грэма замечанием или угрозой.

— Опять не вытер как следует ноги! Я скажу твоей маме.

— А, хлопотунья! Ты уже здесь?

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I. Бреттон	5
Глава II. Полина	15
Глава III. Товарищи по детским играм	25
Глава IV. Мисс Марчмонт	48
Глава V. Страница перевернута	60
Глава VI. Лондон	67
Глава VII. Виллет	84
Глава VIII. Мадам Бек	98
Глава IX. Исидор	120
Глава X. Доктор Джон	137
Глава XI. Комната консьержки	147
Глава XII. Ларчик	157
Глава XIII. Несвоевременная простуда	172
Глава XIV. Праздник	187
Глава XV. Долгие осенние каникулы	231
Глава XVI. Товарищ юных дней	249
Глава XVII. «Терраса»	270
Глава XVIII. Ссора	283
Глава XIX. Клеопатра	294
Глава XX. Концерт	312

Глава XXI. Возвращение.....	342
Глава XXII. Письмо.....	368
Глава XXIII. Вашти	381
Глава XXIV. Мосье де Бассомпьер	398
Глава XXV. Графинюшка	415
Глава XXVI. Похороны	432
Глава XXVII. На улице Креси	452
Глава XXVIII. Цепочка для часов.....	474
Глава XXIX. Именины мосье Поля	491
Глава XXX. Мосье Поль	509
Глава XXXI. Дриада	523
Глава XXXII. Первое письмо	537
Глава XXXIII. Мосье Поль исполняет свое обещание	548
Глава XXXIV. Малеволія	560
Глава XXXV. Братство	575
Глава XXXVI. Яблоко раздора	592
Глава XXXVII. Ясная лазурь	611
Глава XXXVIII. Туча.....	631
Глава XXXIX. Старые и новые знакомцы	662
Глава XL. Счастливая чета	676
Глава XLI. Предместье Клотильда.....	685
Глава XLII. Конец	705

Літературно-художнє видання

БРОНТЕ Шарлотта

Віллет

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 15.05.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturma». Ум. друк. арк. 37,8. Наклад 5500 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Відруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдвяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

БРОНТЕ Шарлотта

Виллет

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 15.05.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturma». Усл. печ. л. 37,8. Тираж 5500 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Люсі ніколи не забуде дні, прожиті в хрещеної в милому містечку Бреттоні. Там вона вперше пізнала, що таке дружба. Скільки веселих забав поділили вони з Гремом та Поліною! Але прийшов час дорослішання, і Люсі переїхала до Брюсселя. Усе, що лишилося, — це теплі листи, які пов'язували Люсі й Грема. І ось доля дарує їм нову зустріч. Вони вже не діти, і в серці Грема спалахує нове почуття. Він хоче поєднати з Люсі своє життя. Але кохання й дружба не ходять поруч, і те, що колись відчували Люсі й Грем, давно зникло. Чи ні?..

Бронте Ш.

Б88 Виллет : роман / Шарлотта Бронте ; пер. с англ. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 720 с.

ISBN 978-617-12-6133-4

Люси никогда не забудет деньки, проведенные у крестной в милом городке Бреттоне. Там она впервые узнала, что такое дружба. Сколько веселых забав разделили они с Грэмом и Полиной! Но пришло время взросления, и Люси переехала в Брюссель. Все, что осталось, — это теплые письма, которые связывали Люси и Грэма. И вот судьба дарует им новую встречу. Они уже не дети, и в сердце Грэма вспыхивает новое чувство. Он хочет связать с Люси свою жизнь. Но любовь и дружба не ходят рядом, и то, что когда-то чувствовали Люси и Грэм, давно исчезло. Или нет?..

УДК 821.111